

— Больше не буду, больше не буду! — прикрывая рот рукой, бормотал Лу Цзыжун, боясь, что его заставят переписывать книги, и в панике бросился к выходу, где столкнулся с Сяо Юйшанем.

Молодой человек, который должен был трепетать перед императорским величием, вдруг поднял глаза и встретился взглядом с Сяо Юйшанем. Перед ним предстал человек с очаровательными глазами, напоминающими цветы персика, и густыми, как чернила, бровями, словно сошедший с картины. Лу Цзыжун на мгновение застыл, словно очарованный.

Очнувшись, он испугался, подумав, что раньше всегда кланялся, не смея поднять глаза, и потому никогда не видел истинного облика императора. Теперь же он понял, что слухи о красоте императора, способной умиротворить государство, были не пустыми словами.

— Иди, — с улыбкой произнес Сяо Юйшань, думая про себя, что он вовсе не злой дух, чтобы так пугать этого юношу.

Лу Цзыжун поспешно поклонился и бросился прочь, словно испуганный олененок.

Сяо Юйшань с улыбкой вошел в комнату и, не стесняясь, уселся рядом с Чу Циюнем на кровать:

— Ну как?

Чу Циюнь, не придавая значения наказанию, указал на колени и с улыбкой ответил:

— Даже раны нет.

Сяо Юйшань, изначально чувствовавший вину, теперь, увидев, что тот не пострадал, успокоился:

— Ты не виноват. Сегодня ты должен был объяснить старику причину, почему взял всю вину на себя?

— С официальной точки зрения, как я мог выдать императора? — обняв Сяо Юйшаня за плечи, Чу Циюнь проявил необычайную нежность. — А с личной — как я мог позволить тебе нести ответственность?

— Настоящий мужчина, с сильным характером, — сказал Сяо Юйшань, сгибая палец и слегка ударяя им по колену Чу Циюня, явно с намерением подшутить.

Удар был не сильным, но достаточно болезненным. Чу Циюнь тихо вскрикнул, но даже не взглянул на свои колени, не обращая внимания на пот, покрывавший его тело, и, обняв Сяо Юйшаня, повалился на кровать.

Вспомнив слова Лу Цзыжуна, он с ухмылкой пошутил:

— Только что Ваше Величество было так величественно, но, к сожалению, мне пришлось страдать. В будущем обязательно скажут, что я «лиса, пользующаяся тигриной властью».

Хотя это была жалоба, Чу Циюнь произнес ее с гордостью. Сяо Юйшань, зная его бесстыдство, сжал щеку Чу Циюня пальцами и намеренно спросил:

— Что, тебе обидно?

Величественность императора — разве это то, что обычный человек может использовать?

— Этот бедный даос вне себя от радости, — схватив запястье Сяо Юйшаня, Чу Циюнь внезапно приблизился и поцеловал его в губы.

Сяо Юйшань закрыл глаза и ответил на поцелуй, их губы и зубы слились воедино, в страстном обмене, полном нежности и любви.

К сожалению, снаружи было слишком много глаз, и они не могли позволить себе предаваться страсти в храме среди бела дня. После глубокого поцелуя они сели, молча глядя друг на друга.

В тишине маленькой спальни царили неловкость и раздражение — ведь во время поцелуя оба почувствовали возбуждение, но вынуждены были сдерживать себя.

— Может быть... — после долгого раздумья Чу Циюнь наконец предложил, — на задней горе есть пещера Линси, а в ней горячий источник. Может быть...

Оба были молоды и полны энергии, кто бы захотел подражать святым, подавляя свои желания?

— Отличная идея! — хлопнув в ладоши, Сяо Юйшань решил отправиться к горячему источнику.

Императорское настроение привело к тому, что евнух Вану пришлось немало потрудиться, готовя сменную одежду и организуя сопровождение. Сяо Юйшань, видя, что тот едва успевает, сказал, что не нужно столько хлопот, и достаточно будет одного Чу Циюня.

Таким образом, у пещеры Линси на задней горе оказался только евнух Ван, охраняющий вход, а Сяо Юйшань и Чу Циюнь наслаждались внутри, создавая два разных мира.

Едва войдя, они сняли одежду, бросив ее на пол, и вместе вошли в горячий источник, словно утки, играющие в воде, полные страсти и нежности.

Сяо Юйшань, наполовину лежа на камне, наполовину погруженный в воду, двигался в ритме с действиями Чу Циюня, а в моменты удовольствия запрокидывал голову, имитируя крик феникса.

Чу Циюнь откинул мокрые волосы Сяо Юйшаня и, кусая его шею, словно зверь, оставил на ней красные следы. Сяо Юйшань, почувствовав боль, схватил Чу Циюня за волосы и, стиснув зубы, предупредил:

— Осторожнее... одежда не скроет!

— Я очень осторожен, — с влажными губами Чу Циюнь мягко и нежно приблизился к уху Сяо Юйшаня, успокаивая его.

Он всегда знал меру, и как бы они ни предавались страсти, никогда не позволял Сяо Юйшаню опозориться.

Волна страсти накрыла их, и в тишине пещеры слышались только их стоны и шепот. Они говорили о бесконечной нежности и страсти, словно два переплетенных фитиля, горящих в огне желания.

Когда страсть утихла, Сяо Юйшань, словно сытый кот, лениво лежал в горячем источнике, его глаза были наполнены влагой, и он казался необычайно мягким.

Чу Циюнь не мог насмотреться на него, словно на картину, и, смотря долго, невольно улыбался, как дурак.

Сяо Юйшань, увидев это в отражении воды, с улыбкой спросил:

— Ты улыбаешься, но молчишь. Я не понимаю, ты что, с ума сошел?

— Разве нельзя улыбаться без причины? — Чу Циюнь был мастером софистики и не упускал возможности поспорить в шутку. — Я следую своему сердцу, что соответствует принципу «Дао следует естественности».

— Как совпало, я тоже хочу улыбаться, и тоже без причины, — сказав это, Сяо Юйшань подвинулся ближе к Чу Циюню, и на его губах появилась улыбка.

Теперь, прижавшись друг к другу, они могли чувствовать биение своих сердец. Чу Циюнь обнял Сяо Юйшаня еще крепче, словно уже держал луну в своих объятиях, и больше ничего не желал.

Они немного отдохнули, и уже наступил полдень. Когда больше нельзя было оставаться, они лениво встали и оделись. Чу Циюнь вытер влажные волосы Сяо Юйшаня, бросил полотенце и сказал, что пойдет на кухню готовить вегетарианскую еду, чтобы отблагодарить императора за помощь.

Сяо Юйшань пошутил:

— Благородный муж держится подальше от кухни.

Чу Циюнь не согласился:

— Чтобы отблагодарить императора, я готов не быть благородным мужем.

Они шли, смеясь и болтая, оба чувствуя себя свежо и бодро. Только евнух Ван страдал, охраняя вход в пещеру Линси, боясь, что кто-то увидит происходящее внутри. К счастью, в пещере было прохладно, иначе он бы не избежал теплового удара.

Евнух Ван лучше всех знал, что император попал под чары этого молодого даоса Чу Циюня!

После полудня Ань Фэн нашел повод спуститься с горы, вероятно, чтобы встретиться с Е Вэньцином. С этим чурбаном подальше, Сяо Юйшань стал еще более раскованным, позвав Чу Циюня к себе, чтобы играть в шахматы и вспоминать прошлое, наслаждаясь жизнью, словно боги.

На шахматной доске исход уже был решен. Сяо Юйшань, держа белую фигуру, чувствовал себя довольным:

— Если я выиграю, ты должен рассказать мне что-то из прошлого, чтобы развлечь меня, но заранее предупреждаю, не пытайся обмануть.

Сказав это, он сделал последний ход, решивший исход игры, и выиграл с легкостью:

— Говори.

— Слушаюсь, — подумав, Чу Циюнь с улыбкой начал:

— Мы знакомы уже больше десяти лет, но есть одна вещь, о которой ты точно не знаешь.

— О? — Сяо Юйшань, услышав это, сразу заинтересовался.

— До пяти лет, пока я не последовал за учителем в храм Сюйхэ, у меня не было имени, — намеренно загадочно, словно рассказчик, Чу Циюнь начал свою историю. — Странно, правда?

Сяо Юйшань, выросший во дворце, не мог понять трудностей жизни простых людей:

— Разве можно быть безымянным, если ты не появился из ниоткуда?

— Я был подкидышем, которого подобрал старый нищий, — ответил Чу Циюнь. — Дедушка был добрым, но неграмотным, и, видя, какой я был худой и маленький, дал мне прозвище «Незрелый плод».

Чу Циюнь говорил с интонацией рассказчика, но Сяо Юйшань не мог улыбнуться:

— Что это значит?

— Ваше Величество наверняка не знает диалект юга, — объяснил Чу Циюнь. — На юге фермеры выращивают фруктовые деревья, и если плоды завязываются, но не созревают, их называют «незрелыми плодами».

Сяо Юйшань наконец понял половину:

— То есть, ты не рос?

— Нет, нет, — засмеялся Чу Циюнь. — Это следовало принципу «дать плохое имя, чтобы ребенок выжил».

— Позже я с дедушкой бродил по улицам, выпрашивая еду, и случайно встретил учителя, который взял меня на гору Дунли. Так появился нынешний Чу Циюнь.

— Ты... много страдал в детстве? — Сяо Юйшань, выросший в роскоши, с трудом мог представить детство Чу Циюня, и его сердце вдруг сжалось от необъяснимой грусти.

Чу Циюнь, который хотел лишь пошутить, увидев, что получилось не так, как он задумал, мягко успокоил его:

— Все это в прошлом.

[Перевод и адаптация китайских терминов и имен выполнены в соответствии с предоставленным глоссарием.]

<http://bllate.org/book/16210/1455436>